

В Законе «О реабилитации жертв политических репрессий» признается, что дети, отправленные в ссылку (на спецпоселение) под охрану спецкомендатуры НКВД в 30-х годах в составе семьи, лишенной жилья и имущества, являются жертвами политических репрессий. Основанием применения такой репрессии было постановление ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» (февраль 1930 г.). Если детей репрессированных кет в живых, они признаются жертвами. В то же время закон лишает выживших и живых на сегодня детей репрессированных льгот, предоставленных реабилитированным жертвам политических репрессий.

поймали, вернули в Пермь-горье.

Потом нас перевели в Черевково, в Гусевские дома. Это тоже детдом, но там было лучше. После детдома устроили на работу, была учеником слесаря.

Сестру Лену привезли к Вере в Черевково, но детдом ее не принял, она была мала. Лена кричала, вываливалась из саней, прося оставить ее с сестрой, но просьбы Веры, и Лены во внимание не приняли. Лену отвезли в Сольвычегодский детдом, где она и умерла.

МАЛЕНЬКИЕ ЖЕРТВЫ

СУДИТЬ о том, заслужили эти оставшиеся в живых люди льготы или нет, нужно нам, всему обществу, чтобы, осознав всю глубину нравственного падения наших бывших руководителей, воздействовать на нынешних законодателей, которые должны исправить созданный ими закон.

Вот типичная история человека, подвергнутого репрессиям в детстве. Документ информационного центра Управления внутренних дел по Архангельской области. Архивная справка.

«По имеющимся архивным документам установлено, что Подлозный Фома Авксентьевич, 1887 г. р., вместе с семьей: жена Дарья, 37 лет (на момент выселения), дочь Александра, 14 лет, дочь Пелагея, 12 лет, дочь Вера, 10 лет, дочь Татьяна, 4 года, дочь Елена, 1 год 6 месяцев, находился на спецпоселении в пос. Заруба Черевковского района. На спецпоселение прибыли 14 декабря 1932 г. в порядке раскулачивания. Решения РИК о выселении в деле нет.

В 1929 г. имели двух лошадей, одну корову, посевов - 4 (мера измерения не указана), сарай, 1,5 десятины сада. Сведений о конфискации имущества в деле нет. Сведений о снятии с учета спецпоселения и дальнейшей судьбе Подлозного Ф. А. и членов его семьи в архиве ИЦ УВД не имеется».

Дата, печать, подписи, номер фонда, номер архивного дела.

А теперь рассказ Пелагеи Фоминичны Подлозной, проживающей ныне в нашем городе.

больших репрессий

«Я помню, что папу забрали, остались мы с мамой. Потом сказали, что всем надо выезжать. Сосед посоветовал на дорогу зарезать телушку, чтобы нас, детей, кормить в дороге. Кто донес, что телушку зарезали. Пришли, мясо все забрали, даже из печи вытащили, и маму забрали. Нас увезли на станцию одних. Маму потом отпустили, она нас на станции нашла. Отца на станции привели под конвоем. Ехали в вагоне все вместе. Привезли в Котлас. Была зима. На лошадах отвезли в пос. Заруба. Отец от всех переживаний заболел и вскоре умер. Мы со старшей сестрой Александрой ходили собирать кусочки. Зимой, в ботиночках. Потом сестру взяли в Черевкове в няньки, я одна ходила. Одна женщина тоже в няньки меня позвала, она мне валеночки купила, одела. Я у нее в Черевкове хорошо жила, но скучала по сестрам и маме. До зимы надо дожить, пока дорога будет. Один мужчина поехал, взял меня в поселок. А мамы уже в живых я не застала. Сестра Таня тоже умерла.

Когда я приехала, меня в детдом определили, отправили в Пермь-горье, где уже была сестра Вера. Пермь-горский детдом был очень плохой: все ветхое, многого не хватало. Сестра была босая, голодная. Мне не понравилось в этом детдоме, мы с одной девочкой сбегали и добрались пешком до В. Устюга, собирая подаяние. Но в Устюге нас

Из высланной моей семьи (отец, мать, пятеро дочерей) в результате репрессии погибли отец, мать и двое младших их дочерей. Остальные выжили потому, что собирали подаяние по деревням. Люди на Севере очень хорошие, нам помогали. Зазвали в дом к одному старику, супом накормили, напоили чаем, Старик подшил валеночки и нам подарил, а наши ботиночки велел нам в котомки убраться. В няньках я жила тоже у очень хорошей женщины. Девочка ее была всего на один год моложе меня, какая я уж была ей нянька, просто меня пожалели.

Вера сейчас живет в Вологде. Она пишет, что получила добавку к пенсии 50 процентов по тем документам, которые она мне выслала. Я хотела получить такие же льготы. Но мне в Котласском собесе отказали, ссылаясь, что такого закона еще нет».

Вот и вся исповедь. Неизвестно, почему Вологодский отдел социальной защиты населения находит законным дать льготы Вере Фоминичне, а Котласский, ссылаясь на распоряжение из области не давать льготы и удостоверения детям-спецпереселенцам, отказывает. В Архангельске, видимо, ждут, пока о детях-жертвах политических репрессий 30-х годов — вспомнят законодатели. Доживут ли жертвы?

И. ДУБРОВИНА.

Председатель
Котласского общества
«Совесть».